

УДК 81'42 : 821.161.1

ББК 81.0

Ш 31

Шахназарян Н. О.

Аспирант кафедры русского языка и речевой коммуникации Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского, преподаватель кафедры массовых коммуникаций и лингвистики ИРБИС СГТУ, e-mail: narinka-87o@mail.ru

**Сценарий страдания Родиона Раскольникова
(на материале романа Ф. М. Достоевского
«Преступление и наказание»)
(Рецензирована)**

Аннотация:

Предпринята попытка выявления особенностей реализации сценария негативных эмоций на материале одного художественного текста. Сценарий создается через определяющее в ментальной картине мира Достоевского понятие «страдание». Цель – показать взаимодействие литературоведения и лингвистики, выявить отношение языка художественной литературы к системе языка в целом. Установлено, что общая тенденция к антропологизации лингвистики вынуждает нас делать акцент на личностный фактор, смысловое своеобразие единиц в речи изучается в аспекте авторских целей.

Ключевые слова:

Сценарий, негативная эмоция, страдание, мука, ужас, страх, источники страдания.

Shakhnazaryan N.O.

Post-graduate student of the Department of Russian Language and Speech Communication, Saratov State University named after N.G. Chernyshevsky, Lecturer of the Department of Mass Communication and Linguistics of Institute of Business Development and Strategies, Saratov State Technical University, e-mail: narinka-87o@mail.ru

**The scenario of Rodion Raskolnikov's suffering
(from the material of F.M. Dostoyevsky's novel
«Crime and Punishment»)**

Abstract:

In the paper, the author makes an attempt to create a scenario of negative emotions using the material of literary text. The scenario is created through the notion «suffering», the key concept in the mental world picture of Dostoyevsky. The goal of the paper is to show the interaction of literary criticism and linguistics and to reveal the relation of the fiction language to the language system as a whole. A general tendency toward linguistics anthropologization forces us to make an emphasis on a personality factor; semantic peculiarities of units in speech are studied in the aspect of author's purposes.

Keywords:

Scenario, negative emotion, suffering, torment, horror, fear, sources of suffering.

Апресян Ю.Д. в работе «Образ человека по данным языка» дает подробный разбор эмоциональной системы, расписывает фазы развития эмоций (сценарий). Выделяются следующие звенья сценария: 1) причины эмоции; собственно эмоция; желание продлить/пресечь эмоцию; проявления эмоции (сопутствующие контролируемые и неконтролируемые чувства); внешняя физиологическая реакция тела на эмоцию [1: 37-67]. На его теоретические основы исследования мы опираемся в своей статье.

Цель настоящей публикации – выявление особенностей реализации сценария негативных эмоций в романе Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание». Сценарий развития негативных эмоций Родиона Раскольникова создается через ключевое состояние – СТРАДАНИЕ. Для соблюдения хронологии страдания мы распределяем звенья сценария по следующим смысловым блокам: источники страдания; длительность страдания; органы проявления страдания; пресечение страдания; сопутствующие страданию эмоциональные состояния.

Источники страдания. Страдание Раскольникова «есть продукт многих сложных нравственных и материальных тревог, опасений, некоторых идей» [2: 247]. Источником всех страданий Раскольникова является совершённое им убийство. Глагол *убить* имеет сначала прямое, а затем переносное значение: «Разве я старушонку убил? Я себя убил, а не старушонку!» [2: 413]. Но к этому пониманию истинной причины своего страдания Раскольников приходит только в четвёртой части романа (исповедь Сонечке). А между тем, мучается Раскольников ещё до совершения убийства старухи: «До квартиры оставалось только несколько шагов. Он вошел к себе, как приговоренный к смерти» [2: 51]. Перед тем, как прийти к старухе, Раскольников идет по городу: «Так, верно, те, которых ведут на казнь»; «Что, неужели уж начинается, неужели это уж казнь на-

ступает?» [2: 53]. Мотив казни возникает после смерти Мармеладова: «Он сходил тихо, не торопясь, полный одного, нового, необъятного ощущения вдруг прихлынувшей полной жизни. Это ощущение могло походить на ощущение **приговоренного к смертной казни**». «Письмо матери его **измучило**» [2: 43]. Эти «вопросы были не новые, а наболевшие. Давно уже как они начали его **терзать и истерзали ему сердце**. Давно зародилась в нем эта теперешняя тоска, а в последнее время созрела и концентрировалась, приняв форму ужасного, фантастического вопроса, который **замучил его сердце и ум, неотразимо требуя разрешения**. Теперь письмо матери **громом в него ударило**» [2: 47]. В данной ситуации источником мучений являются «наболевшие вопросы», и само письмо, в котором мать сообщает сыну о тяжелом материальном положении сестры в доме Свидригайлова [3: 19]. Разные ситуации сравниваются с ударами грома: «**письмо матери вдруг как громом в него [Раскольникова] ударило**» [2: 47]; при встрече с матерью и сестрой: «стоял как мертвый; **невыносимое внезапное сознание ударило в него [Раскольникова] как громом**» [2: 136]. Слово *раздавить* и однокоренные используются то в прямом значении, то в качестве метафоры: «Он был **задавлен бедностью**», «Раскольников был **раздавлен, даже как-то унижен**» [2: 221].

Охарактеризовав причины страданий Раскольникова, подробнее остановимся на завершающих фазах этих состояний. Как правило, Раскольников пытается сознательно **пресечь эмоцию**: «Он знал одно: что всё это надо кончить сегодня же; что домой он иначе не воротится, потому что не хочет так жить, эта мысль **терзала его**» [2: 155]. Раскольников рад возможности сменить свои впечатления: «**Терзался, мучился, стонал...** Тогда он порывался с места, хотел бежать, опять впадал в бессилие и беспомощность. Это было лихорадочное состояние с бредом и полусознанием» [2: 227].

В данном контексте «порывался с места» и «хотел бежать» – попытки пресечения эмоции, в этих глаголах стремление и желание к действию. А вот «стонал», «впадал в бешенство, бессилие, бред, лихорадочное состояние» – это **внешнее проявление**, естественная реакция на эмоцию. Раскольников сам себе отмеряет точное время на страдание: «*Зосимов заметил в Раскольникове скрытую решимость перенести час-другой пытки, которой нельзя уж избежать*» [2: 219].

В приведенных выше контекстах представлены синонимы к слову *страдание*. Следует отметить разницу в значениях между этими словами. Лексическое значение в контексте передает отношение говорящего к тому, о чем он сообщает [4]. Для Достоевского *страдание* обозначает тяжелые душевные муки, *истязание* и *пытка* указывают на непереносимо тяжёлые мучения, имеют усилительное значение (*magn*).

В отношении Раскольникова в последних частях романа чаще употребляется глагол *страдать* и все производные от него (*страдание, страдальческий, страдалец*), потому что Достоевский Ф.М. в романе проводит идею нравственного очищения личности. Если для Раскольникова убийство – сквозная причина страдания, то частичным разрешением страдания становится «исповедь» – откровенное признание Соне.

Одним из важнейших эмоциональных состояний, **сопутствующих страданию**, является **страх**. Страх – биологическая эмоция. Страх охватывает душу Раскольникова раньше, чем страдание. Сразу после убийства: «*Он хотел было запереться на крючок, но рука не поднялась. Страх как лед обложил его душу, замутил его, окоченил его*» [2: 116]. Страх приносит с собой такие же неприятные ощущения, как и холод, поэтому здесь он сравнивается со льдом; «страх окоченил» – это окказионализм Достоевского, ни в одном из словарей русского языка данная форма не встречается. Страх может нахо-

диться в одном семантическом ряду с мукой и терзаниями: «*Раскольников терзался, мучился, стонал, впадал в бешенство или в невыносимый страх*» [2: 118]. Страх сочетается с различными прилагательными: «*Раскольников стал спокоен; не было ни полумного бреда, ни панического страху*» [2: 154]. «Панический страх» – градуируемый признак страха, устойчивое сочетание, обозначающее внезапный, сильный страх. «*Человек вытерпит полчаса смертного страху с разбойником*» [2: 440]. Здесь сочетаемость традиционная, эпитет *смертный* имеет в литературном языке закрепленность за существительным *страх*.

Сопутствующим страданию состоянием является и **тревога**. Тревога – вторичная эмоция, хорошо сочетается с наречием *вдруг* (неожиданно, резко): «*Раскольникову захотелось бросить все и уйти, как вдруг другая тревожная мысль ударила ему в голову*» [2: 80]. Тревога для Раскольникова – это состояние некоего смятения. Он сначала доходит до того дома, а потом «*отводит глаза*». В этом состоянии у Раскольникова «*стучало сердце*», ему «*становилось больно*», «*отмахивался руками*» – неконтролируемые физиологические реакции, выраженные необычными словосочетаниями. Герой сам доводит себя до такого состояния – «*затревожит себя насмерть*» (крайняя степень смятения, интенсификация): «*Чем тише был месяц, тем сильнее стучало сердце*» [2: 273], «*станет задумываться, запутываться, затревожит себя насмерть!*» [2: 335]. Сочетаемость тривиальная: «*Внутренняя непрерывная тревога еще поддерживала его на ногах и в сознании*» [2: 420]. Здесь «непрерывная тревога» – это нескончаемая тревога.

Ужас – сильный страх, доходящий до подавленности, крайнего негодования: «*Раскольников проснулся весь в поту, задыхаясь, приподнялся в ужасе*» [2: 62]. В состоянии ужаса герой испытывает почти физическую боль: «*Даже чуть не смешно ему стало, и в то же время сдавило грудь*

до боли. *Весь дрожа, как загнанная лошадь, Раскольников лег на диван, забылся. Он очнулся от ужасного крику. В ужасе сел на своей постели, каждое мгновение замирая и мучаясь. Раскольников затрепетал, как лист*» [2: 116]. «Затрепетать, как лист» – это символический параллелизм, сопоставляется явление душевного мира с явлением внешней (растительной природы). Прием заимствуется из устного народного творчества. Сравнение *дрожать, трепетать, как лист* характеризует Раскольникова, вспоминающего сцену убийства: «*Боже! – да неужели ж я в самом деле возьму топор, стану бить по голове, размозжу ей череп... буду скользить в липкой, теплой крови, взламывать замок, красть и дрожать; прятаться, весь залитый кровью... с топором... Господи, неужели? – Он дрожал, как лист, говоря это*» [2: 114]. Раскольников, которому снится сон после убийства старухи: «*Вдруг Раскольников затрепетал, как лист: он узнал этот голос*» [2: 89]. Ужас сопровождается холодом, бледностью, ассоциируется с ложью: «*Сказав это, Раскольников вдруг смутился и побледнел: недавнее ужасное ощущение мертвым холодом прошло по душе его; ему вдруг стало совершенно ясно и понятно, что он сказал сейчас ужасную ложь. Впечатление мучительной мысли было настолько сильно, что он совсем забылся, встал с места и пошел вон из комнаты*» [2: 225]. Место концентрации ужаса – душа и сердце: «*Сердце Раскольникова стучало и замирало. Стало невыносимо: он обернул к Соне мертво-бледное лицо; губы его бесильно кривились. Ужас прошел по сердцу Сони. Ужас ее вдруг сообщился и ему*» [2: 403]. «*Ужас прошел (где?) по сердцу*» – определяется не источник возникновения эмоции, а направление движе-

ния эмоции. «*Но весь этот ужас душевный не мог пройти без последствий*» [2: 420]. В плане сочетаемости наиболее интересным представляется сочетание *собственный ужас*, определяющее принадлежность эмоции. Остальные сочетания тривиальные.

Все рассмотренные выше слова *страх, тревога, ужас* находятся между собой в синонимических отношениях. Если придерживаться шкалы интенсивности Апресяна Ю.Д. [1: 43], то нормой здесь является *страх*, а наибольшей степенью интенсивности обладает слово *ужас*, что ясно из вышеприведенных контекстов и определений.

Сопутствующей страданию эмоцией является и *злоба*. Непроизвольные физиологические реакции злобы носят оттенок какой-то грубости, излишней натуралистичности: *пересохла его губы, пена зацеплась на губах* (Рот, губы – основное место концентрации злобы). Глагол *выдавиться* характеризует в разных сценах улыбку Раскольникова [5: 170]. В сцене признания Соне: «*Его передернуло, прежняя, ненавистная и почти надменная улыбка выдавилась на губах*» [2: 413].

Итак, реализация сценария Апресяна Ю.Д. в романе «Преступление и наказание» демонстрирует, что страдание Родиона Раскольникова связывается с проводимой Достоевским идеей нравственного очищения [6: 107 - 109]. Страдание изображается как прямо, так и косвенно – через сопутствующие страданию эмоциональные состояния (страх, тревога, ужас, злоба). Единицами нашего исследования становятся не отдельные лексические единицы, а целые иллюстративные контексты. Анализ ведется и через изучение соответствующих тому или иному состоянию сочетаний, как общеязыковых, так и контекстуальных.

Примечания:

1. Апресян Ю.Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания // Вопросы языкознания. 1995. № 1. С. 37-67.

2. Достоевский Ф.М. Собр. соч.: в 12-ти т. М.: Правда, 1982. Т. 5. 542 с.
3. Мурашова О.А. Тема греха и наказания, или «Психологический отчёт одного преступления» // Литература в школе. 2006. № 9. С. 18-21.
4. Шапацева М.Х., Пазова Л. М. К вопросу о лексическом значении слова // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. Филология и искусствоведение. 2014. № 1. С. 122-128.
5. Ясенский С.Ю. Искусство психологического анализа в творчестве Ф.М. Достоевского и Л.Н. Андреева // Достоевский: материалы и исследования. СПб.: Наука, 1994. С. 156-187.
6. Lindenmeyr A. Raskolnikov's City and the Napoleonic Plan // Dostoevsky s New Perspectives. Prentice-Hall Inc, 1984. P. 99-111.

References:

1. Apresyan Yu.D. Image of a person according to language data: an attempt of the system description // Linguistics problems. 1995. No. 1. P. 37-67.
2. Dostoyevsky F.M. Collected works: in 12 v. M.: Pravda, 1982. V. 5. 542 pp.
3. Murashova O.A. Theme of the sin and punishment, or «The psychological report of one crime» // Literature at school. 2006. No. 9. P. 18-21.
4. Shkhatseva M.Kh., Pazova L.M. On the problem of the lexical meaning of a word // Bulletin of the Adyghe State University. Ser. Philology and the Arts. 2014. No. 1. P. 122-128.
5. Yasensky S.Yu. Art of the psychological analysis in the works by F.M. Dostoyevsky and L.N. Andreyev // Dostoyevsky: materials and studies. SPb.: Nauka, 1994. P. 156-187.
6. Lindenmeyr A. Raskolnikov's City and the Napoleonic Plan // Dostoevsky s New Perspectives. Prentice-Hall Inc, 1984. P. 99-111.